

А.С. Пученков

КРЫМ В ОГНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: 1917-1920 ГГ.

(ДОКЛАД НА ЗАСЕДАНИИ НАУЧНОГО СОВЕТА РОССИЙСКОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА)

Недавнее воссоединение Крыма с Россией и события «русской весны» 2014 года, как представляется, наглядно показали, что органической частью Украины в 1991-2014 г. Крым так и не стал, воспринимая себя на уровне общественного сознания населения как самостоятельную и ориентирующуюся на неразрывную духовную и экономическую связь с Россией территорию; если допустить своеобразный каламбур, то в «украинский» период своей истории полуостров Крым для Украины зачастую был далеким и не до конца понятным на материке островом. В этой связи поневоле вспоминается творчество Василия Павловича Аксенова и его знаменитый роман «Остров Крым». В этом полужанровом романе автор сознательно допускает географическую несуразность: полуостров Крым превращается в остров, что позволяет ему избежать советизации в 1920 году, а в дальнейшем стать олицетворением иной, небольшевистской России. Мог ли Крым избежать советизации, неизбежно ли было падение в 1920 году белого Крыма, а главное: насколько обоснованы и подкреплены реальными основаниями были претензии полуострова на государственную самостоятельность? Мог ли и желал ли Крым существовать вне России?

Гражданская война в Крыму проходила не менее интересно и драматично, чем на Украине. Прежде всего, Крым, как и Украина, пережил смену нескольких властей.¹ Изначально власть в Крыму захватили большевики, пользовавшиеся поддержкой главной в ту пору силы на полуострове – матросов Черноморского флота, устроивших в конце февраля 1918 года кровавую «Еремеевскую ночь» для офицеров флота в Севастополе. Расстрелы и бессудные убийства «контрреволюционных элементов» в городе сопровождалась грабежами. Следы большевистского пребывания в городе выразились не только в бессудных расстрелах, но и в том, что улицы города были буквально засыпаны шелухой от семечек и ореховой скорлупой – так своеобразно «товарищи» поняли свободу. Товарищи и семечки переплелись с революцией неразрывными путями... Право загрязнять ими улицы явилось кажется единственным неоспоримым достижением «великой, бескровной», впоследствии

---

¹ Целый ряд проблем, освещаемых в этом докладе, подробнее рассматривается в монографии автора. См.: Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 - начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб.: Нестор-История, 2013.

пополнившимся еще достижением «великой Октябрьской» – правом безнаказанных убийств. «Семечки и убийства» – вот и все, для чего был разрушен трон и уничтожена Россия», – эмоционально записывал свои впечатления служивший на Черноморском флоте С.Н. Сомов.

Антибольшевистское движение в то время себя никак не проявляло. Общественные деятели себя никак не «проявляли, притихли и голоса их, хотя бы даже шепота, слышно не было совсем». Крупных деятелей, сродни В.В. Шульгину в Киеве, в Севастополе не было. В городе не было людей, способных возглавить антибольшевистское движение. Ключевой фигурой мог бы быть в таких условиях командующий Черноморским флотом М.П. Саблин. Однако Саблин, несомненно, порядочный человек и хороший офицер, в силу особенностей своего характера не был готов к открытому бунту против новой власти. Уже упоминавшийся Сомов, может быть, не совсем справедливо, называл Саблина «кабинетным адмиралом». Он же, вероятно, обоснованно писал: «Будь на месте Саблина адмирал Колчак, было бы что-нибудь одно: или флот снес бы Севастополь, или большевики были бы выметены из него». На практике же получилось иначе: Севастополь не оказал большевикам во время их владычества организованного сопротивления, и также безропотно покорился немцам, без особых затруднений осуществлявших в городе свою политику и в течение нескольких дней восстановивших в городе порядок, сохранявшийся в нем во все время их пребывания.

«Красная опричнина» в Крыму, как назвал ее генерал Деникин, процарствовала недолго, но оставила после себя жуткую память. Большевиков сменили германские оккупационные силы под командованием генерала Коша (три пехотные дивизии и конная бригада): к 1 мая 1918 г. Крым был оккупирован кайзеровскими войсками. Немцев привлекало уникальное геополитическое положение полуострова – своеобразного моста между Европой и Азией. Германия, естественно, не желала видеть Крым по-настоящему независимым государством. Однако, позиции Германии в продолжающейся до ноября 1918 года Мировой войне, справедливо называемой современниками Великой и являвшейся главным фактором в международной политике тех лет, – неуклонно слабели. И из Украины, и из Крыма Германия, находившаяся в глубочайшем экономическом кризисе, стремилась по максимуму вывезти и ценное имущество, и продовольствие. В повседневную жизнь края оккупанты особо не вмешивались; было уже не до этого – события на Западном фронте в ту пору были важнее, сил на полноценную диктатуру в Крыму у немцев уже не было – устроить «новый германский порядок» на полуострове в полной мере не удалось. Вместе с тем главный приоритет был соблюден: при поддержке германского руководства пост премьер-министра Крымского Краевого правительства получил генерал-лейтенант М.А. Сулькевич, приступивший 5-6 июня 1918 г. к формированию своего кабинета.

В советской литературе для оценки личности Сулькевича не могли подобрать другой характеристики, кроме как «приказчик» у немцев. Понятное дело, что такая аттестация слишком однобока, но нельзя не признать и того, что Матвей Александрович казался немцам исключительно удобной фигурой: царский генерал, литовский татарин по происхождению (это придавало правительству национальный характер), мусульманин, убежденный противник всякого рода революций, человек, не имеющий, как выразился осведомленный кадет В.Д. Набоков, «никакого политического прошлого и никакой политической программы».² Немцы были убеждены, что Сулькевич сохранит в Крыму спокойствие и порядок, и обеспечит для них режим наибольшего благоприятствования. Кандидатура Сулькевича показалась германскому командованию наиболее для себя удобной, как следствие, именно он и получил «ярлык» из рук оккупационных властей.

Каким запомнили Сулькевича современники? Своими размашистыми манерами и непринужденной болтовней, Сулькевич напоминал кадету В.А. Оболенскому «хлебосольного помещика доброго старого времени». Видный сионист Д.С. Пасманик в своих воспоминаниях охарактеризовал Сулькевича, как «полнейшее ничтожество». Думается, что подобные оценки чересчур субъективны, хотя также очевидно и то, что государственным гением Сулькевич не был и не мог им быть. Политические же взгляды Сулькевича – очевидны: генерал был убежденным монархистом и противником большевизма. Как следствие, кабинет Сулькевича проводил правую политику, в отличие от Скоропадского, не пытаясь заигрывать с представителями самых разных партийных течений. Кроме того, нельзя не обратить внимание на то, что генерал Сулькевич относился к своей должности на редкость серьезно и стремился к отстаиванию интересов маленького полуострова на всех уровнях и во всех вопросах. И если в отношениях с Германией «белый цвет» безусловно был не у Крыма, и правила игры диктовали немцы, то в отношениях с Украиной все было совсем иначе: Крым не считал себя продолжением Украины, и в этом вопросе занял абсолютно принципиальную позицию.

Примечательно, что Крым, (в первую очередь об этом приятно было думать самому Сулькевичу, выпрашивавшему у кайзера Вильгельма II ханский титул), в ту пору считал себя независимым государством, хотя местные политики и осознавали, что судьба полуострова – будет ли он в составе «державы» Скоропадского или же будет самостоятельным – фактически решается в Берлине. Это было действительно так. Сулькевич направил в столицу Германии дипломатическую миссию В. Татищева. С подачи своего патрона Татищев ставил перед германским руководством вопрос о признании независимости Крыма и об отделении

---

² *Набоков В.Д.* Крым в 1918/19 гг. / Подготовка текста, предисловие и комментарии А.С. Пученкова // Новейшая история России. 2015. №1. С. 225.

его от Украины. Понятное дело, что немцы более чем холодно встретили дипломатические инициативы нового государства, заявив о том, что «в связи с настоящим международным положением» не считает возможным объявить «о признании государственной независимости Крыма». Миссия Татищева, таким образом, провалилась, а германский генерал Кош прямо заявил Сулькевичу о том, что «Окончательная судьба Крыма должна определиться позднее». Когда, как и кто будет определять судьбу полуострова – об этом Кош Сулькевичу ничего не сказал.

Особый интерес вызывают отношения Крыма и Украины. И Центральная Рада, и правительство гетмана Скоропадского стремились к включению Крыма в состав Украины. Германии же было бесспорно выгодно существование двух вассальных режимов на Юге бывшей Российской Империи – Скоропадского и Сулькевича. Как следствие, Берлин запугивал Сулькевича угрозой превращения Крыма в часть Украины – так было легче держать Крым в узде; Скоропадского же успокаивали в том духе, что скоро все территориальные притязания Украины будут удовлетворены.

Как и сейчас, принципиальным был вопрос о статусе Черноморского флота, во все времена игравшего определяющую роль в жизни полуострова. Судьба Черноморского флота в годы Гражданской войны глубоко трагична. Флот оказался в положении заложника, используемого в качестве разменной фигуры самыми разными политическими силами, в том числе и германскими оккупационными войсками. Во многом трагедия флота была обусловлена позицией советского руководства, стремившегося любой ценой сохранить передышку, полученную благодаря подписанию Брест-Литовского мирного договора с кайзеровской Германией.

Германские оккупанты, пользуясь подписанным с Центральной Радой договором, приступили к фактической оккупации Украины, причем Крым оккупировался немцами, что называется, «по умолчанию» – пользуясь правом сильного. Советская Россия, в соответствии с условиями Брестского мира считала полуостров своей территорией и пыталась дипломатическим путем помешать немцам, по выражению В.И. Ленина, «мимоходом слопать» Крым. Однако немцы не обращали никакого внимания на увещевания большевиков, и упрямо гнули свою линию, действуя, по словам редактора «Известий» Ю. Стеклова, по принципу «чего моя нога хочет».

В апреле 1918 г. началось наступление немцев по всему побережью, не встречавшее практически никакого сопротивления, несмотря на уверения Военно-морского комиссариата Республики Тавриды населения в том, что флот и «Революционный Севастополь... решили до

последнего вздоха стойко защищать благополучие Крыма от различных посягательств со стороны различных банд, руководимых предателями интересов трудящихся во главе с австро-германским генералом Макензеном и другими империалистами». Однако, плохо вооруженные отряды матросов (одним из крупнейших отрядов руководил знаменитый матрос Мокроусов) не смогли сдержать наступления немцев. К 25 апреля 1918 г. все отряды оставили позиции и перешли на суда и береговые укрепления. Одновременно, стараясь опередить немцев, вела наступление Крымская группа украинских войск под командованием подполковника П. Болбочана. Болбочану ставилась задача, опережая немецкие войска на линии Харьков - Лозовая - Александровск - Перекоп - Севастополь, очистить Крымский полуостров от большевиков и занять Севастополь. Предполагалось, что флот будет включен в состав вооруженных сил Украинской Державы. Однако, немедленно, по занятии Крыма командующий немецкой группировкой в Крыму генерал Р. Кош огласил Болбочану ультиматум: украинцам предлагалось, сдав оружие, немедленно покинуть территорию полуострова под сопровождением немецкого конвоя на правах интернированных из независимого государства.

1 мая 1918 г. оккупационные войска овладели Севастополем. Неприятелю достались значительные трофеи: 7 линкоров, 3 крейсера, 12 эсминцев, 15 подводных лодок, 5 плавучих баз, 3 румынских вспомогательных крейсера, несколько крупных торговых судов, учебных кораблей, минных заградителей, гидроаэропланов (1-й и 2-й бригад воздушного флота полностью), много мелких судов, большие запасы сырья и продовольствия, значительное число пушек, мин, бомбометов, радиотелеграфная станция и многое другое. Машины и пушки на кораблях обнаружены были в рабочем состоянии, разбитыми оказались только компасы и подзорные трубы. Потери для флота исчислялись колоссальной суммой. 3 мая после захвата Севастопольской морской базы украинские флаги были спущены и подняты германские. Расчет украинцев на передачу им германцами Черноморского флота не оправдался.

Судьба же Черноморского флота оказалась трагичной: немцы предъявили Советской власти требование выдать им весь флот «для использования во время войны в мере, требуемой военной обстановкой». Предвидя это, еще 22 марта 1918 г. коллегия наркомата по морским делам составила доклад, адресованный в СНК. В докладе предлагалось принять меры к переводу флота из Севастополя в Новороссийск, а также к уничтожению того имущества, которое вывезено быть не может. Однако действенных мер, направленных на реализацию высказанных в докладе предположений, советское руководство осуществить не успело.

В Севастополе опять начались митинги, резолюции. В частности, команды кораблей «Свободная Россия» и «Воля» решили вновь пригласить на пост командующего флотом контр-адмирала Саблина, которому, по словам его сослуживца В. Кукеля, «верили и которому флот несомненно готов был подчиниться». Адмирал согласился принять этот тяжкий крест, но при условии, если ему будут беспрекословно повиноваться. 29 апреля, когда в окрестностях города появились уже немецкие разъезды, в Севастопольском Совете все еще дискутировался вопрос: «Сдаваться без боя или дать отпор врагу». Еще перед этим возникла еще более животрепещущая проблема: о целесообразности затопления флота или передачи его немцам. Существовала надежда и на то, что флоту удастся «перекинуться» под «украинский державный прапор» – немало моряков были украинцами по национальности, – и войти в состав военно-морских сил Украинской Державы. Спор этот был и среди судовых команд: в частности, сторонники затопления считали, что необходимо увести флот в Новороссийск, где и затопить. Именно эта точка зрения в конечном итоге и возобладала: было решено флот немцам не сдавать, а эвакуировать его в Новороссийск. Началась экстренная подготовка к эвакуации; матросы, которые решили остаться в Севастополе, «помогали» эвакуации по-своему, унося все самое ценное с кораблей и сбывая затем это с рук.

Не желая передавать корабли немцам, за несколько часов до занятия Севастополя войсками под командованием генерала Р. Коша, ночью 30 апреля часть флота была уведена в Новороссийск. Выходившие из Севастополя корабли с красными, андреевскими или украинскими флагами подвергались обстрелу со стороны немецкой артиллерии. «Радость, с какой мы, моряки, встречали каждый входящий корабль, можно сравнить только с радостью встречи с другом, которого считал погибшим», – описывал встречу пришедших в Новороссийск кораблей комиссар эсминца «Капитан Сакен» большевик С.Г. Сапронов. Не попавшей в руки немцев части флота удалось на время отсрочить свою неминуемую гибель. Ко 2 мая в Новороссийске сосредоточились 2 новых линкора, 15-16 эсминцев и миноносцев, 2 посыльных судна, 10 сторожевых катеров, 30 пароходов и транспортов. На кораблях находилось около 100 офицеров и 3500 матросов. Тот же Сапронов писал: «О настроении приехавших распространяться не буду. Оно и так понятно. Новороссийск был последним портом, дальше флоту отступать было некуда. Крайне ограничены были и денежные средства флота, запасы провизии, топлива. Хотя последние вопросы официально ложились на командование флота, а морально – на большевиков – но они не могли быть тайной и для каждого рядового матроса. Настроение у всех было подавленное, безнадежное, как у родных смертельно больного человека. Особенно унывали украинцы. Большинство их покинуло Севастополь из боязни ответственности за участие в боях против буржуазной Рады

и прочей контрреволюции, но они не переставали тяготеть к Украине. Команды снова стали редеть. Это настроение начало охватывать и флотских большевиков, тем более, что в тяжелой судьбе флота беспартийные матросы (наталкиваемые агитаторами контрреволюции) начали винить большевиков, советскую власть». Схожая оценка настроений моряков эскадры приводится и в воспоминаниях командира эскадренного миноносца «Керчь» В. Кукеля, «Всему личному составу Новороссийской эскадры была с самого начала ясна безвыходность положения флота: без угля, без нефти, без возможности пополнить боезапасы, в порту, зажатом железными щупальцами германских войск как с севера, так и с юга, в порту, абсолютно необорудованном для стояния флота, без элементарных ремонтных средств и т. д., наконец, при молниеносном наступлении немцев по всему Крыму, развивавшемся с явной целью захватить Новороссийск, вопреки всем ухищрениям доморощенной в то время украинской дипломатии. Гибель флота была предрешена, – она стала вопросом ближайшего времени».

Германия, через своего посла в Москве графа В. Мирбаха, а несколько ранее – через командующего немецкими войсками на Украине фельдмаршала Г. Эйхгорна, потребовала возвращения судов флота в Севастополь. Немцы к тому моменту считали команды судов в Новороссийске полностью разложившимися и не более чем «хорошо организованной бандой». Советская сторона в ответной ноте указала на имевшие место нарушения немцами Брестского договора, и предложила самостоятельно разоружить корабли в Новороссийске. Возникла почва для переговоров. В данной ситуации была возможна еще какая-то более благополучная участь для Черноморского флота, но авантюрный Ейский десант на кораблях Черноморской флотилии (под командованием И. Я. Гернштейна), осуществленный без ведома Москвы по приказу Главкома красных войск Северного Кавказа К.И. Калнина, резко изменил ход переговорного процесса. Руководители Кубано-Черноморской республики, во главе с председателем Центрального Исполнительного комитета А.И. Рубиным, хотели освободить Ростов, но десант был быстро уничтожен немцами. Рубин буквально на коленях умолял матросов сохранить флот для дела борьбы с империалистами и Добровольческой армией А. И. Деникина, угрожал морякам расправой со стороны кубано-черноморских войск в случае затопления флота, но сила была не на стороне Кубано-Черноморской республики.

Разгромив десант, немцы снова заговорили языком ультиматумов, угрожая Советской России возобновлением боевых действий и требуя возвращения флота в оккупированный Севастополь. Брестский мир оказался в подвешенном состоянии, и чтобы спасти положение, Ленин был готов пойти на уступки; понятное дело, что амбиции кубанских коммунистов в данном случае Владимира Ильича не интересовали. В разговоре с А.А. Иоффе, советским

посланником в Берлине, Ленин подчеркнул, что «Мы принимаем со своей стороны решительно все меры, чтобы добиться как перевода судов в Севастополь, так и прекращения военных действий или подобия их с нашей стороны. Повторяю: все возможное делается». Выигрывая время, Ленин готов был обещать немцам выполнение их требований по возвращению флота, но сам придерживался по этому вопросу своей позиции. Участь флота была решена. Он должен был либо отойти к немцам, либо быть затоплен. Советский лидер принадлежал к числу сторонников затопления. 24 мая 1918 года Ленин начертал собственноручную резолюцию на докладной записке начальника морского Генерального штаба: «Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно». Для проведения этого решения в жизнь в Новороссийск были командированы член коллегии Наркомата по морским делам И.И. Вахрамеев и главкомиссар Черноморского флота Н.П. Авилов-Глебов, однако они натолкнулись на сильное сопротивление. Представители центральной советской власти, по словам осведомленного А.Г. Шляпникова, занимавшего в 1918 году ответственный пост особого уполномоченного СНК по продовольствию на Северном Кавказе (с падением Тихорецкой Советская Россия оказалась отрезанной от южнорусских запасов хлеба, и СНК предпринимал отчаянные усилия, пытаясь накормить Центральную Россию, и в первую очередь пролетарский Петроград и красную Москву), «должны были подготовить моряков и, взорвав, потопить суда в Новороссийске. И сделать это так, чтобы инициатива потопления судов исходила бы от самой матросской массы, возмущенной германскими требованиями вернуть суда по месту их приписки, чтобы завладеть ими. При исполнении столь сложного поручения, – вспоминал Шляпников, – товарищи не встретили поддержки ни в партийной организации, ни в органах местной власти, не говоря уже о командном составе, значительная часть которого была явно нам враждебна. Адмирал Саблин играл двойственную роль, стремясь «спасти флот», то путем наступления на немцев, то прикрываясь украинскими настроениями части моряков, готов был поднять флаг нового государственного образования, созданной немецким командованием «вольной» Украины».

По прибытию Вахрамеева и Авилова-Глебова в Новороссийск, на квартире последнего было созвано совещание, на котором присутствовали: Вахрамеев, Авилов-Глебов, военный комиссар Черноморского округа Толмачев и председатель Новороссийского Совета М.М. Лучин. Последний оставил интереснейшие и крайне информативные воспоминания. На совещании Вахрамеев и Авилов-Глебов сообщили о принятом в Москве решении о затоплении флота, и о том, что решение СНК необходимо сохранить в строжайшей тайне, «так как если оно станет известно немцам, то они постараются прибыть в Новороссийск и захватить все суда». По итогам совещания было принято решение «начать

немедленно подготовку к выполнению решения СНК, а также и принятия мер на случай выступления массы против такого решения СНК, и которое возможно было ожидать». Лучин вспоминал, что в Новороссийске «Оставались команды, которые могли воспринять пропаганду уничтожения флота – как измену и предательство, на которые было обращено самое серьезное внимание. Одной из мер, чтобы ослабить противников и укрепить наше положение – было объявление в приказе, что все, кто желает, могут увольняться с выдачей жалованья за несколько месяцев вперед. Количество желающих превзошло наше ожидание, более половины – почти две трети изъявили желание, и они покинули суда, а также и Новороссийск на предоставленных им поездных составах. Избавившись от такого боевого элемента, было созвано делегатское собрание оставшихся команд флота, на котором было т. Глебовым сделан доклад о положении флота и в котором он очутился в Новороссийске. Делегатское собрание было очень бурным, почти все высказывались за то, чтобы дать немцам сражение, затем уничтожить флот. В конце концов не пришли ни к какому решению, так как образовалось три течения, но последующие собрания делегатов были более решительные и было принято предложение ввиду безвыходности положения флота – затопить его в бухте Новороссийска, не принимая никакого боя с немцами. По принятию такого решения мною было созвано Заседание всего Комиссариата и членов Центрального Исполнительного Комитета Северо-Кавказской Области [правильно – *республики.* – *Авт.*], на которое были приглашены представители нашей партии и левые эсеры. По открытию заседания мною было сделано заявление о том, что постановило делегатское собрание о постановлении СНК о решении потопить флот, т. Глебов подтвердил мое заявление и указал, что от Комиссариата только требуется строгое выполнение его распоряжений и всякое неисполнение будет считаться не подчинением Высшей Советской власти. После того, когда стало известным всем решение СНК, поднялись страстные прения, на меня обвинения чуть ли не в преступлении, указывалось, что мы власть на местах и без нашего ведома не может быть решен этот вопрос и что СНК был не в курсе состояния флота. Был объявлен перерыв для фракционных совещаний. На нашем фракционном совещании было решено запросить Москву и указать, что такое решение есть ошибка и что флот необходимо сохранить. Споры были горячие и продолжительные. По возобновлении заседания были оглашены принятые решения фракций. Решения эти были в основе почти одинаковые: на этом вопросе т.т. коммунисты и левые эсеры сошлись. Была вынесена резолюция, которая говорила, что флот должен остаться в Новороссийске и если нужно, то принять сражение, если немцы попытаются его взять. Просить делегатское собрание флота отменить принятое решение. Резолюция была принята почти единогласно за исключением меня, голосовавшего против, потому что я должен был, как Представитель Высшей Советской власти, выполнить приказание беспрекословно, имеющее общегосударственное значение. Принятую резолюцию

поручено было огласить на делегатском собрании флота, которое шло на одном из судов, мне, как Председателю Совета. Но мною было сделано заявление, что я отказываюсь от такого поручения, так как это постановление противоречит решению СНК; опять полились прения, которые привели к тому, что были избраны оставшиеся в Президиуме два товарища Председателя – т. Кузьмин (коммунист) и т. Шерстнев (л. эсер), которые должны были отправиться на собрание делегатов флота. Я же и т. Глебов покинули заседание и отправились обследовать состояние судов и готовность команд флота принятое решение делегатского собрания исполнить. Та картина, которую мы видели, останется в памяти на всю жизнь. Трагедия, которая совершилась во флоте, впишется в историю Великой Российской Революции и ее руководителей, принявших такое решение, как не дать флот немцам. Подъезжая к пристаням, у которых стояли контр-миноносцы, мы увидели, что жизнь замерла на судах: нигде не было ни огней, ни шума, не было видно людей из команды, за исключением время от времени появлявшихся теней с узлами и ящиками, которые были наполнены всем, чем только могла наполнить эта уходящая с корабля тень. Молча мы переходили от судна к судну, обмениваясь между собой сомнениями о том, что флот может оказаться всеми брошенным, так что и открыть кингстоны будет некому и только одно судно, о котором с гордостью будет вспоминать вся Советская Россия, это контр-миноносец «Керчь», команда которого осталась на месте за исключением одного или двух, имея на судне даже своего Командира, тогда как остальные почти все собрались на дредноуте «Воля», который был захвачен этой сволочью, отдававшей на милость немца – идти в Севастополь...»

Та же ситуация была и на дредноуте «Свободная Россия», в котором от всей команды осталось всего 55 человек. Как вспоминал М. М. Лучин, «Наши опасения, что если бы немцы захотели захватить флот и пришли бы в Новороссийск, взяли бы без боя флот – оправдались. Тут уж, когда никакой опасности не угрожало еще – вся масса бежит, а тогда и давно были бы брошены все суда. С болью в душе мы покинули «Свободную Россию», опасаясь, что она достанется врагу, так как вывести за мол нужны были люди. Но надежда была на «Керчь» и его команду». Команды же других кораблей эскадры буквально бурлили, придя в итоге длительных дебатов к практически единому мнению: «Флот не топить, пока ему не будет угрожать реальная, непосредственная опасность».

Тем временем против Авилова-Глебова и Вахрамеева, живших в Новороссийске в поезде под усиленной охраной и практически не выходивших из своих вагонов (видимо, опасаясь покушения матросов кораблей), поднялась сильная агитация, среди команд раздавались возгласы «Довольно комиссаров». Для Авилова-Глебова, Лучина и Вахрамеева возникла непосредственная опасность ареста, вопрос об этом был поставлен на заседании

Новороссийского комиссариата, с которого Авилов-Глебов и Вахрамеев попросту трусливо сбежали, если верить воспоминаниям С.Г. Сапронова. После бегства «представителей власти» поднялся шум, наиболее горячие головы предлагали догнать и арестовать беглецов. Возбуждение против Авилова-Глебова и Вахрамеева достигло такой степени, что матросы были готовы даже пойти на штурм поезда, не опасаясь неизбежных больших жертв. Лишь взвешенная позиция фракции большевиков по этому вопросу способствовала тому, что собрание успокоилось.

Миссия Авилова-Глебова и Вахрамеева не удалась. По словам члена ЦИК Северокавказской республики Е. Д. Лехно, «матросы-клевшники, а их было не мало, попытались сбросить в море Глебова-Авилова». В неудаче Авилова-Глебова и Вахрамеева, как кажется, определяющую роль сыграла целая совокупность факторов: личная неуверенность эмисаров в правильности меры, которую они должны осуществить – т.е. затопить флот – как следствие, думается, что и тот, и другой выжидали время, опасаясь поплатиться за поспешное решение. Кроме того, свою роль сыграла и неспособность Авилова-Глебова и Вахрамеева неспособность войти в доверие к командам кораблей; посланцы Москвы вели жизнь «отшельников», причем не общаясь ни с эскадрой, ни с местными парторганизациями. Сапронов утверждал, что в Авилове-Глебова и Вахрамеева говорил «страх за свою шкуру, так как лозунг «потопления» был не из популярных и за него весьма свободно можно было поплатиться жизнью». Однако, такая осторожная тактика в революционную эпоху, конечно, популярностью у матросов пользоваться не могла.

Как следствие, Авилов-Глебов, и Вахрамеев были вынуждены оставить Новороссийск и отправиться в Москву для доклада о создавшемся положении. Для организации затопления флота из столицы большевистской России был послан новый уполномоченный – мичман Ф.Ф. Раскольников, приезд которого и сыграл определяющую роль.

Любопытно, что в исследованиях сталинской эпохи писалось о том, что Вахрамеев «оказался не на высоте положения и далеко не оправдал доверия Совнаркома», Авилов-Глебов был объявлен врагом народа, а его действия по организации затопления флота расценивались как «предательские». Имя же невозвращенца Федора Раскольникова не упоминалось вовсе. Между тем, именно он и стал ключевой фигурой последнего акта трагедии флота. В беседе с Ф.Ф. Раскольниковым Ленин объяснил свою позицию по флоту следующим образом: «потопление Черноморского флота встречает неслыханное сопротивление со стороны части команд и всего белогвардейски настроенного офицерства. Имеется сильное течение за уход в Севастополь. Но увести флот в Севастополь – это значит отдать его в руки германского империализма. Этого никак нельзя допустить. Необходимо во

что бы то ни стало потопить флот, иначе он достанется немцам». Ленин командировал Раскольников в Новороссийск для организации затопления флота. По пути в Новороссийск Раскольников в Царицыне имел встречу с находившимся там наркомнацем И. В. Сталиным, который также заявил о себе как о стороннике затопления флота. В Тоннельной Раскольников встретился и с оставившими Новороссийск Лучиным и Авиловым-Глебовым, подробно сообщившим Федору Федоровичу о положении дел в эскадре.

В Новороссийске происходила ожесточенная борьба. Команды судов были деморализованы, никакого выхода из тупика не было видно. «Самоубийство» флота, осуществить было невыносимо тяжело, идти в Севастополь – унижительно. На проводившемся среди чинов команд «референдуме» 939 человек высказалось за поход в Севастополь, около 1000 воздержалось или голосовало «за борьбу до последнего снаряда». Было видно, что единодушного решения не существует. Команды были деморализованы и издерганы. Временный командующий флотом А.И. Тихменев был сторонником похода флота в Севастополь. Тихменев глубоко и искренне ненавидел большевиков, считая их недолговечной, а самое главное – глубоко антигосударственной силой. В силу этого, Тихменев был убежден, что распоряжение советского руководства по затоплению флота – суть продолжение антинациональной политики Ленина. Как следствие, топить флот, а значит, по его мнению, подыгрывать политике большевиков, Тихменев не собирался. По словам командира эсминца «Керчь» старшего лейтенанта В. Кукеля, у командующего флота перед глазами, как призрак, «стояло декабрьское избиение офицеров в Севастополе, парализовавшее в них всякую волю, решимость и чувство чести, необходимое в столь тяжелый момент». Противники затопления, во главе с линейным кораблем «Воля» под вымпелом капитана I ранга А.И. Тихменева, вышли обратно в Севастополь – фактически на сдачу немцам. Флот был расколот пополам, трагедия Гражданской войны в этой ситуации проявилась очень отчетливо. 17 июня, в половине 12-го часа ночи приготовившиеся к походу суда снялись с якоря и ушли в море «при нескрываемом озлоблении оставшихся в Новороссийске как команд, так и всего населения». Когда эскадра, уходившая в Севастополь, выстроилась на внешнем рейде, то на передней мачте «Керчи» взвился сигнал: «Судам, идущим в Севастополь. Позор изменникам России!» Немцы поступили с эскадрой, пришедшей в Севастополь, достаточно предсказуемо: они сразу объявили корабельные команды военнопленными, выставили близ кораблей своих часовых и подняли на них кайзеровские военно-морские флаги. В своих воспоминаниях Тихменев высказался о мотивах своего решения предельно четко и ясно: «ценою унижения, я решил спасти флот».³

³ Тихменев А.И. Новороссийская трагедия // Военная быль. Париж. 1960. №44. С. 3.

Командир «Керчи», старший лейтенант В.А. Кукель, стал главным организатором затопления кораблей, оставшихся в Новороссийске. 18 июня 1918 г., предварительно заложив в машинное отделение каждого корабля взрывные патроны, в Цемесской бухте, команда «Керчи» с короткой дистанции расстреляла все суда Черноморского флота, которые остались в Новороссийске – всего 14 кораблей. Миноносцы уходили под воду, держа на мачтах сигнал: «Погибаю, но не сдаюсь!». По воспоминаниям очевидца, Новороссийск «в этот день не работал, и весь присутствовал на похоронах, все было усеяно народом; очень многие не выдерживали такой картины, со слезами на глазах ругали и Советскую власть, и тех, которые ушли в Севастополь...» По свидетельству члена ЦИК Северокавказской республики В. Черного, затопление флота «произвело необычайно удручающее впечатление на рабочих и солдат» города. Советский драматург А. Корнейчук в 1933 г. написал пьесу «Гибель эскадры», посвященную затоплению флота в Цемесской бухте. В 1960 г. великий театральный режиссер Г.А. Товстоногов на сцене ленинградского Большого Драматического театра им. Горького поставил «Гибель эскадры». Артист Олег Басилашвили, игравший одну из ролей в этом спектакле, вспоминал, что во время сцены прощания матросов с тонущими кораблями «Люди в зале плакали». И дело тут не только в уровне товстоноговской постановки. Даже десятилетия спустя этот эпизод советской истории производил огромное впечатление на людей. Зрители видели не только трагедию флота, не только один из эпизодов Великой Революции и Гражданской войны, но и реальную, зримую трагедию людей, на глазах у которых происходила гибель всего того, что для них и составляло огромную часть их жизни. Безучастным к этому быть нельзя.

На рассвете следующего дня, 19 июня 1918 г., после схода команды на берег, «Керчь» была затоплена у Кадошского маяка близ Туапсе. Перед своей гибелью «Керчь» отправила радиogramму с извещением о том, что все оставшиеся в Новороссийске корабли уничтожены: «Всем, всем, всем. Погиб, уничтожив часть судов Черноморского флота, которые предпочли гибель позорной сдаче Германии. Эскадренный миноносец «Керчь». Радиogramма эта была напечатана во всех газетах юга России, и, следовательно, как вспоминал служивший на «Керчи» мичман Б.М. Подвысоцкий, «о том, как, что мы честно выполнили свой долг перед Родиной, узнали и наши друзья, и наши враги».⁴

Флот был затоплен, но не оказался в руках врага. Показательно, что в белогвардейской среде за затопление флота большевиков не осуждали, а наоборот считали это решение смелым и оправданным. Главнокомандующий белогвардейскими Вооруженными

---

⁴ Подвысоцкий Б.М. Гибель черноморских кораблей в Новороссийске / Вступит. статья Ю.Б. Ляхова, комментарии С.Н. Харитоновой // Кортик. Флот. История. Люди. СПб., 2009. Вып. 10. С. 90.

Силами на Юге России генерал А.И. Деникин, верный себе, написал о затоплении флота как о символе «патриотизма» черноморцев, столь же фальшивого, сколь и бессмысленного.⁵

Как бы то ни было, но можно констатировать лишь то, что гибель элиты Черноморского флота было, конечно же, очередным ударом по национальной России. Большевики же использовали эпизод с затоплением флота в качестве одной из важнейших слагаемых их, коммунистической, истории о Гражданской войне. Тогда же, сразу после затопления флота, советская пресса опубликовала лишь коротенькую заметку от имени наркоминдела Г.В. Чичерина, в которой сообщалось о том, что «часть бывших в Новороссийске судов Черноморского флота возвратилась в Севастополь, остальная же часть была командой взорвана». Гибель части Черноморского флота 18 июня 1918 г. стала одной из самых трагических страниц в истории Гражданской войны.⁶

Что же касается части флота, ушедшего в Севастополь, то он беспощадно разграблялся. Немецкие солдаты ежедневно отправляли из Крыма в Германию посылки с продовольствием, по распоряжению генерала Коша в Берлин отправлялись поезда, нагруженные обстановкой императорских дворцов и яхт, из Севастопольского порта вывозились разнообразное ценное имущество. Ключи от магазинов, складов и мастерских порта хранились у немецких офицеров, забиравших из них материалы и инвентарь без всяких документов, «причем забор их носит характер, если так можно так выразится, чисто стихийный, неоправдываемый надобностью...» – можно прочитать в докладной записке на имя Командующего Севастопольским портом. Немцы и австрийцы грабили все, что только можно, официально именуя это «военной добычей». Начальник всех портов Черноморского флота адмирал Покровский наивно вопрошал в одном из документов: что «является «военной добычей» при настоящей обстановке, когда войска дружественных государств введены в страну по приглашению ее правительства»? Новые хозяева вели себя в Крыму бесцеремонно, пользуясь своей силой и безнаказанностью. Что же касается судьбы Черноморского флота, то она так и осталась подвешенной. Немцы предложили Украине заплатить за флот, как за общероссийское имущество, сумму порядка 200 миллионов рублей. Вопрос повис в воздухе, судьба флота так и осталась неразрешенной – чьим был флот во второй половине 1918 года: украинским, крымским или немецким – на этот вопрос с правовой точки зрения ответить крайне сложно.⁷

⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 2003. Т. III. С. 396.

⁶ Подробнее об этом см.: Пученков А.С. Антибольшевистское движение на Юге и Юго-Западе России (ноябрь 1917 - январь 1919 гг.): Идеология, политика, основы режима власти. Докт. дис. СПб., 2014. С. 683-709.

⁷ Пученков А.С. Антибольшевистское движение на Юге и Юго-Западе России... С. 710-714.

Правительство гетмана более чем отчетливо понимало значение Крыма для украинской торговли. Скоропадский не единожды получал от своих подчиненных докладные записки подобного плана: «Неясность положения Крыма, главным образом, Севастополя, в высшей степени затрудняет решение очень многих существенных вопросов... По-видимому, вопрос о принадлежности флота и Крыма крайне трудно разрешить на месте, а потому не явится ли правильным решением послать в Берлин специальную миссию для решения столь коренных для Украинской державы вопросов, как вопроса о существовании Морской торговли, каковая без обладания Крымом и без военного флота явится лишь фикцией...».

Сам же Скоропадский личных контактов с Сулькевичем не имел, они оборвались, не начавшись. Два генерала понять друг друга не смогли. Скоропадский рассуждал так: «планы немцев мне неизвестны, во всяком случае, при известной комбинации не прочь там [в Крыму. - *Авт.*] закрепиться. Турция с татарами тоже протягивает к Крыму руки, Украина же не может жить, не владея Крымом, это будет какое-то туловище без ног. Крым должен принадлежать Украине, на каких условиях, это безразлично, будет ли это полное слияние или широкая автономия, последнее должно зависеть от желания самих крымцев, но нам надо быть вполне обеспеченными от враждебных действий со стороны Крыма. В смысле же экономическом Крым фактически не может существовать без нас. Я решительно настаивал перед немцами о передаче Крыма на каких угодно условиях, конечно, принимая во внимание все экономические, национальные и религиозные интересы народонаселения. Немцы колебались, я настаивал самым решительным образом». В свою очередь генерал Сулькевич заявлял в интервью одной из ялтинских газет: «Мое правительство не было ни за Украину, ни против нее, а стремилось лишь к установлению добрососедских отношений, одинаково полезных и нужных как для Украины, так и для Крыма. После того, как я сообщил в Киев о моем новом назначении, я неожиданно получил от украинского правительства телеграмму, адресованную мне как «губерниальному старосте» на украинском языке. Я ответил, что я не «староста», а глава правительства самостоятельного края, и что я прошу установить сношения между нами на общественном языке – на русском. Этот мой поступок объявили в Киеве «разрывом дипломатических отношений». Мы, т.е. крымское правительство, послали своего уполномоченного в Киев для установления экономического соглашения, но оно там натолкнулось на абсолютно закрытые двери».⁸

Действительно, в июне 1918 Украина развернула против Крыма настоящую таможенную войну. По распоряжению украинского правительства, все товары, направляемые в Крым, реквизировались. В результате закрытия границ Крым лишился украинского хлеба, а

---

⁸ Подробнее см.: Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008. С. 380-396.

Украина – крымских фруктов. Продовольственная ситуация в Крыму заметно ухудшилась, даже в Симферополе и Севастополе были введены карточки на хлеб. Населению Крыма было очевидно, что край прокормить сам себя не может, но правительство Сулькевича упорно стояло на позиции сохранения фактической независимости своего маленького государства и уделяло большое внимание вопросам, связанным с внешними атрибутами независимости. Крым в 1918 году успел получить, например, свой герб.

Государственным гербом утверждался герб Таврической губернии (византийский орел с золотым осьмиконечным крестом на щите), флагом – голубое полотнище с гербом в верхнем углу древка. Столицей государства объявлялся Симферополь. В ранг государственного языка был возведен русский, но с правом пользования на официальном уровне татарским и немецким. Характерно, что не украинским! Независимый Крым планировал начать выпуск и собственных денежных знаков. Был разработан закон о гражданстве Крыма. Гражданином края, без различия по признаку вероисповедания и национальности, мог стать любой человек, родившийся на крымской земле, если он своим трудом содержал себя и свою семью. «Приобрести же гражданство мог только приписанный к сословиям и обществам, служащий в государственном или общественном учреждении и проживающий в Крыму не менее трех лет... Любой крымский мусульманин, где бы он ни проживал, при соответствующем ходатайстве имел право на гражданство Крыма. Предусматривалось и двойное гражданство», – пишет об этом сюжете современное исследование.⁹ Сулькевич ставил задачу создания собственных вооруженных сил, так и не реализованную на практике. Украинизация Крыма не осуществлялась, т.к. край стремился всячески подчеркивать свою обособленность от Украины, что в целом успешно удавалось осуществлять все время владычества Сулькевича и Скоропадского. В куда большей степени независимый Крым ассоциировал себя именно в государственной связи с Россией, воспринимая себя как часть Российского государства. На время отсутствия в России признанной национальной власти Крым считал возможным считать себя независимым государством.

В сентябре 1918 г. Украина несколько ослабила режим экономической блокады Крыма. Так в конце месяца крымская делегация во главе с министром юстиции А.М. Ахматовичем (по национальности Ахматович – как и Сулькевич – литовский татарин) посетила Киев. Переговоры, хотя и шли несколько недель, не привели ни к каким определенным результатам. Симферополь предлагал акцентировать внимание на экономических вопросах, в то время как для Киева важнее были вопросы политические, а

⁹ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 383.

именно – условия присоединения Крыма к Украине. Украинская делегация во главе с премьер-министром Ф.А. Лизогубом представила Главные основания соединения Крыма с Украиной из 19 пунктов. Суть их сводилась к тому, что Крым должен был войти в состав Украины на правах автономного края «под единой Верховной властью Его Светлости Ясновельможного Пана Гетмана (официальный титул П.П. Скоропадского)». Для решения вопросов, связанных с Крымом, при особе гетмана должен был состоять статс-секретарь по крымским делам, назначавшийся гетманом из числа трех кандидатов, предлагавшихся Крымским правительством.

Условия, предложенные Украиной, крымскую делегацию не устроили. «Главные основания» были ими расценены не как «проект соединения», а как «проект порабощения». Симферополь, в свою очередь, выдвинул контрпредложения, сводившиеся к установлению с Украинской Державой федеративного союза и заключению двустороннего договора. Украинская делегация прервала переговоры, ни к какому соглашению стороны так и не пришли, а вскоре изменились и общие условия: к концу стала подходить мировая война, в которой Германия – главный источник поддержки и для Сулькевича, и для Скоропадского – потерпела поражение.

Судьба же правительства Сулькевича зависела только от поддержки немцев.

За время своего правления кабинет Сулькевича не сумел обрести в глазах народа какого-нибудь признания и уважения. С симпатией к ставленнику немцев относились лишь крымские татары. Оппозиция видела именно в Сулькевиче виновника всех бед края. 17 октября в Ялте на квартире видного кадета Н.Н. Богданова кадетское руководство, предварительно заручившееся поддержкой немецкого командования, вынесло решение о необходимости отрешения кабинета Сулькевича от власти. На партийном совещании комитета кадетов на даче одного из лидеров партии Максима Моисеевича Винавера под Алуштой было принято решение о необходимости рекомендовать съезду губернских гласных Крыма избрать председателем правительства опытного политического деятеля кадета Соломона Самойловича Крыма. Сам Винавер чуть раньше осуществил «паломничество», по его выражению, в Екатеринодар, где познакомился с вождями Добровольческой армии и составил о них благоприятное мнение. Почва для будущей «челобитной» Главнокомандующему Добровольческой армией Деникину была подготовлена. Год спустя Винавер обосновывал необходимость свержения Сулькевича тем, что в противном случае край грозила вновь захлестнуть большевистская анархия и волна губительного для дела последующего воссоздания России сепаратизма. Кадеты, писал Винавер, решили осуществить переворот и отрешить Сулькевича от власти, с единственной целью –

установления в Крыму антибольшевистского и лояльного Деникину политического режима вплоть «до момента образования единой государственной власти».¹⁰

В середине октября приехавший в Екатеринодар Богданов проинформировал Деникина о предстоящем перевороте в Крыму. Кроме того, Богданов просил Деникина о назначении ответственного лица для организации в Крыму «вооруженной силы именем Добровольческой армии и о посылке туда десантного отряда». Деникин дал Богданову согласие на все его предложения. 3 ноября 1918 командующий немецкой группой в Крыму генерал Кош письмом на имя Сулькевича заявил об отказе от дальнейшей поддержки его правительства, а уже 4 ноября крымский премьер запросил Деникина о «быстрой помощи союзного флота и добровольцев». Однако было уже поздно. Начавшаяся в Германии революции, ускорила падение кабинета Сулькевича. 14-15 ноября кабинет Сулькевича сложил свои полномочия. Генералу Сулькевичу еще предстояло продолжить, как сказал о нем Главнокомандующий Добровольческой армией генерал А. И. Деникин, свою «русофобскую деятельность» на посту военного министра Азербайджанской Демократической Республики. В 1920 году Сулькевич был расстрелян большевиками в Бакинской тюрьме. Новое Краевое правительство возглавил С.С. Крым.

Крушение центральных держав сделало Крым вновь всецело зависимым от России, с которой тогдашнее правительство ассоциировало в первую очередь Добровольческую армию.

Кадром Добровольческой армии в Крыму был Крымский центр Добровольческой армии, возглавляемый генералом бароном де Боде. Деятельность Центра по отправке офицеров в Добровольческую армию была не слишком эффективна, Крым не дал армии ни одной значительной партии. В письме де Боде Алексеев пытался дать этому какое-то объяснение: «Малый приток офицеров из района, находящегося в Вашем ведении, нужно предполагать, объясняется некоторой обособленностью г. Ялты, который Вы избрали своим местопребыванием – к Ялте нет железных дорог, автомобильное сообщение неправильно и дорого...». Теперь, после поражения центральных держав, правительство Крыма вошло с генералом де Боде в соглашение. В свою очередь Деникин в письме Крыму заявил о готовности Добровольческой армии помочь краю. По распоряжению Деникина небольшой отряд добровольцев с орудием был выслан в Ялту, а другой отряд отправлен для занятия Керчи. В командование вооруженными силами вступил генерал А.В. Корвин-Круковский, которому Деникин дал следующие инструкции: «русская государственность, русская армия,

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5818. Оп. 1. Д. 54. Черновик письма М.М. Винавера. 1919 г. Л. 1-2.

подчинение мне. Всемерное содействие Крымскому правительству в борьбе с большевиками. Полное невмешательство во внутренние дела Крыма и в борьбу вокруг власти». В письме военному министру правительства Верховного Правителя России А. В. Колчака генералу Н. А. Степанову, датированному декабрем 1918, Деникин сообщал о том, что «Крымский полуостров входит в сферу действий Добровольческой армии по соглашению с местным краевым правительством и занят частями Добровольческой армии, также начинается производство мобилизации...». Предполагалось, что посланные Деникиным части являются лишь кадрами, которые будут пополняться мобилизацией офицеров и солдат на территории Крыма. Дело это также возлагалось на генерала де Боде.

В новое правительство С.С. Крыма вошли социалисты С.А. Никонов (народное просвещение) и П.С. Бобровский (министерство труда), кадеты С.С. Крым, М.М. Винавер (внешние сношения), В.Д. Набоков (юстиция) и Н.Н. Богданов (министерство внутренних дел). Все эти шесть человек имели большой опыт работы на различного рода должностях и не были новичками в политике. Все вместе министры составляли коллегию, руководившую общей политикой правительства. Необходимо сказать, что в правительстве Соломона Крыма господствовало убеждение о том, что оно является прототипом «будущей Всероссийской власти». «Мотором» кабинета Соломона Крыма, что любопытно, явились люди, прежде к Крыму никакого отношения не имевшие – Винавер и Набоков. «Мы оказались в Крыму случайно, – вспоминал Набоков, – «вынужденные покинуть Петроград, где протекла вся наша политическая деятельность, начиная с 1905 года».¹¹

Заседания правительства проходили ежедневно, иногда дважды в день. Введенный Председателем предельный час заседаний (11 часов вечера), соблюдался редко. Несмотря на изнурительную работу, поглощавшую все время, министрам удавалось работать единодушно. «Люди были разные, - вспоминал Винавер, - но их личные особенности удачно дополняли друг друга». Новый председатель правительства, Соломон Крым, несомненно, мог бы быть идеальным правителем своего маленького государства. Тот же Винавер писал о нем: «Восседавший во главе зеленого стола Председатель Совета Министров, С.С. Крым, счастливо соединял в себе данные подвизавшегося уже на большой государственной арене политика с глубоким знанием местных крымских условий... Человек зоркий, видевший гораздо глубже, чем это могло казаться, по его неизменно обходительному обращению, – обладавший редким здравым смыслом и исключительным знанием людей, он умел, оставаясь сам собой, находить во всех трудных случаях примирительные формулы, проникнутые здоровым ощущением реальности... В качестве главы правительства, которое сквозь призму

¹¹ Набоков В.Д. Крым в 1918/19 гг. ... С. 231.

местных будничных интересов должно было осуществлять некую общегосударственную задачу, ему приходилось применять этот примирительный талант не к столкновениям между лицами, а к сочетанию двух линий, совместное преследование которых требовало большого такта, большого внимания к интересам отдельных частей немногочисленного, но весьма пестрого по составу своему населения. И этот такт никогда не изменял ему... Он не давил нас своим авторитетом – авторитетом человека, к которому весь край проявил столь исключительное доверие... По всей манере ведения дел он старался смахивать скорее на президента республики французского типа, чем на активного главу исполнительной власти...». Занимавший кресло министра юстиции, Владимир Дмитриевич Набоков, отец знаменитого писателя, также был одной из ключевых фигур кабинета Соломона Крыма. «Всегда одинаково гладкий, благовоспитанный, он прекрасно приспособлялся к атмосфере, весьма близко напоминавшей атмосферу Временного правительства, с которым также у него никаких внешних трений не было, не смотря на всю обнаружившуюся впоследствии глубокую неприязнь к главным его деятелям», – писал о Набокове Винавер. Он же признавал, что «Набоков был, конечно, по своей осанке и по манерам в наибольшей мере министром в нашей среде».

Правительство Крыма сразу активно проявило себя. В опубликованной правительственной декларации, адресованной Добровольческой армии и союзникам, говорилось о том, что «Единая Россия мыслится правительством не в виде прежней России, бюрократической и централизованной, основанной на угнетении отдельных народностей, но в виде свободного демократического государства, в котором всем народностям будет предоставлено право культурного самоопределения. Вместе с тем правительство убеждено, что обеспечение благополучия и процветание всех народов, населяющих Россию, ни в коем случае не может быть построено на отрицании единой России, на ее ослаблении и на стремлении к отторжению от нее. В настоящее время наибольшей угрозой восстановлению нормальной жизни в Крыму, как и во всей России, являются те разлагающие силы анархии, которые довели нашу родину и наш край до теперешнего бедственного положения. Правительство призывает все население помочь ему в его борьбе с этими злейшими врагами права и свободы. В этой борьбе правительство не остановится перед самыми решительными мерами и воспользуется как всеми средствами, имеющимися в его распоряжении, так и готовой ему содействовать военной силой...».

26 ноября 1918 эскадра из 22 судов союзников – английские, французские, греческие и итальянские корабли – стояла на рейде Севастополя. Крымское краевое правительство в полном составе не замедлило засвидетельствовать свое почтение, и было принято на флагмане адмиралом Колторпом. В приветственных речах Крым и Винавер подчеркивали, что

связывают с пребыванием союзников на крымской земле большие надежды на помощь в деле борьбы с большевизмом и анархией в крае.

30 ноября союзники прибыли в Ялту. Местное население встречало союзников с радостью. В ялтинских кафе, скажем, как вспоминал очевидец, иностранных матросов и офицеров угощали, «как друзей и освободителей», ожидая скорого падения большевиков. Насколько большое значение крымское правительство уделяло отношениям с союзниками, говорит тот факт, что министерство внешних сношений во главе с Винавером перебралось в Севастополь, ставший главной базой интервентов, где разместилось в особняке, принадлежавшем раньше городскому голове. Оттуда министр дважды в неделю ездил в Симферополь – для участия в заседаниях правительства. Винавер писал о цели перемещения своего министерства в Севастополь: «Перемещение в Севастополь было только одною из мер, направленных к более усиленному воздействию на союзников. Воздействие на людей, до такой степени невежественных в наших делах, не могло ограничиться личными беседами с начальством, как бы они ни были многочисленны». Необходимо было, вспоминал Винавер, «информировать наших друзей [т.е. союзников. – *Авт.*] о таких элементарных вещах, о коих даже не всегда удобно возбуждать вопрос в разговоре; необходимо было к тому же информировать не одних адмиралов и командиров, а большой штат офицеров морских, а впоследствии и сухопутных, и даже низших военных чинов - морских и сухопутных». Винавер опасался, что союзники в Крыму могут подпасть под влияние «сплетен и легенд не только в вопросах, касающихся России, но и в области событий, разыгрывавшихся в Европе, о которых, за отсутствием иностранных газет, никто ничего не знал. Единственным средством для устранения этого зла явилось создание печатного органа на иностранном языке...». «Бюллетень» выходил сначала на французском и английском, а с середины января 1919, после ухода англичан – только на французском языке, и выходил дважды в неделю. Всего вышло 16 номеров «Бюллетеня», рассказывавшие об основных событиях российской и международной жизни, и служившего, как кажется, удачной попыткой пропаганды в союзнической среде.

В мае 1919 Винавер составил «Справку» о деятельности правительства С.С. Крыма, которая в 1927 была опубликована в советском журнале «Красный архив». Не доверять ей, думается, нет особых оснований. В «Справке» Максим Моисеевич утверждал, что «Крымское правительство имело задачей упрочить связь оторванной немцами и сепаратистским правительством ген. Сулькевича части территории России [т.е. Крыма. – *Авт.*] со всею остальною Россиею, основываясь на началах русской государственности во внутренней политике и верности союзникам во внешней политике». Касался Винавер вопроса и об отношениях с Добровольческой армией: «Крымское правительство лишено было

собственной военной силы. Приняв власть во время немецкой оккупации, перед самым уходом немецких войск, правительство, ввиду создавшегося изнутри взрыва большевизма, обратилось за воинской помощью к той единственной представительнице русской воинской силы, какою являлась на юге России Д.А. [Добровольческая армия. – *Авт.*] Генерал Деникин ответил сочувственно на обращение правительства. При этом отношения между правительством и Д. А., формулированные как в письмах ген. Деникина, так и в обращениях к населению, исходивших от правительства и от Д.А., должны были покоиться на следующих двух началах: полное невмешательство Д.А. во внутренние дела Крыма и полная самостоятельность Д.А. в вопросах военного командования...». Затрагивал в своей «Справке» Винавер и отношения с союзниками: «Крымское правительство, так же, как и Д.А., как и все антибольшевистские силы России, рассчитывало с момента перемирия на помощь союзников. На долю Крымского правительства, ввиду особого положения Севастополя, выпало тесное и близкое общение с союзниками. Правительство старалось использовать его как для осведомления союзников о положении России и необходимости общей интервенции, так и для воздействия с целью добиться участия союзников в защите Крыма совместно с Д. А.». Вместе с тем, завершалась «Справка» Винавера неутешительным резюме о причинах неудачи, последовавшей уже весной 1919: «бессилие Д. А., с одной стороны, и общий поворот в стане союзников в сторону, враждебную интервенции, с другой, – решили участь Крыма и пресекли усилия Крымского правительства к воссоединению этой окраины с остальной антибольшевистской Россией».¹²

К концу 1918 г. в Крыму все было, казалось бы, стабильно. В Крыму присутствовала внешняя (союзники) и внутренняя вооруженная сила (добровольцы), которой, по мысли Деникина, предстояло развернуться в мощные вооруженные формирования, служившие гарантом стабильности в регионе. Отношения между союзниками и добровольцами еще не приняли конфликтный характер. Основным событиям на Крымском полуострове еще только предстояло произойти. В целом, в 1917-1918 гг. Крым только начал втягиваться в русскую Гражданскую войну; насилие еще не стало государственной политикой ни одного из последовательно сменявших друг друга политических режимов. Даже большевистская диктатура в Крыму начала 1918 г. была мягче, чем она будет в период «окончательного установления Советской власти» в конце 1920 - начале 1921 годов. Крыму еще лишь предстояло выйти на авансцену русской Гражданской войны; тогда, в 1918 году, полуостров лишь изредка погружался в ужасы братоубийственного противостояния. Здесь было все же спокойнее, чем в России и на Украине.

¹² Подробнее см.: *Пученков А.С. Антибольшевистское движение на Юге и Юго-Западе России... С. 730-741.*

Измученному крымскому обывателю еще предстояло увидеть большевизацию края, разложение союзных войск и их поспешную эвакуацию.

С Новым 1919 годом антибольшевистское движение в Крыму связывало очень большие надежды. Этому, казалось бы, способствовали все факторы: В Крыму было свое правительство, во главе которого стоял кадет Соломон Самойлович Крым; на территории края находились немногочисленные пока еще добровольческие войска и войска интервентов. Большевики, как думали крымские политики, были деморализованы и не представляли никакой серьезной угрозы. Кроме того, только что завершилась продолжавшаяся 4 с лишним года Мировая война, из которой победителями вышли союзники, приславшие свой контингент в Севастополь и Одессу. Под прикрытием союзнических войск, овеянных ореолом победителей грозных немцев, антибольшевистские силы планировали развернуть формирование мощной национальной армии, которая начнет решающее наступление на красную Москву.

Между тем, радужные мечты столкнулись с куда более сложной реальностью. Во-первых, формирование Крымско-Азовской Добровольческой армии под командованием генерала А. А. Боровского проходило крайне неудачно, численность армии так и не превысила 5 тысяч человек – идти и защищать «Единую и Неделимую Россию» генерала Деникина жители Крыма в массе своей не желали.

Желающих поступать в ряды армии генерала Боровского было немного, а сам генерал Боровский был большим любителем «закладывать за воротник» и качеств вождя в Крыму не проявил. Провалилась и попытка мобилизации населения в Крымско-Азовскую Добровольческую армию. Во-вторых, интервенты (французы и греки), главной базой которых стал Севастополь (общая численность – свыше 20 тысяч человек) заняли очень своеобразную позицию по «русскому вопросу»: от участия в боях с большевиками они уклонялись, опасаясь «покраснения» своих войск и их большевизации (в скором времени так и произойдет в Одессе); большевизм считали внутренним делом России и больше заботились о поддержании общего порядка на полуострове; в то же время союзники считали себя главными распорядителями судеб Крыма и рассматривали Добровольческую армию как находящуюся у себя в подчинении.

Доходило до курьезов: когда Главнокомандующий Вооруженными Силами на Юге России генерал А.И. Деникин решил перенести Ставку из Екатеринодара в Севастополь, союзники категорически воспротивились этому, указывая, что «генерал Деникин должен быть при Добровольческой армии, а не в Севастополе, где стоят французские войска, которыми

он не командует». В целом можно констатировать, что интервенты вели себя в Крыму очень осторожно, всемерно стараясь уклониться от участия в боях, но в то же время ревниво следя за соблюдением своего престижа и приоритетного права решать в свою пользу все возникающие политические вопросы. Крым они рассматривали как часть территории России – страны, заключившей сепаратный мир с Центральными державами и проигравшей войну.

Как следствие этого союзники – победители в войне, считали, что имеют право указывать, что нужно делать и местным властям и деникинцам. Большое значение в судьбах полуострова играло само Краевое правительство во главе с Соломоном Крымом. Правительство С. Крыма всячески старалось выслужиться перед союзниками, пытаясь всеми путями добиться одного: оказания интервентами непосредственной военной поддержки в защите Крыма от Красной армии. В то же время Краевое правительство, в свое время просившее Деникина о поддержке, ревниво, по мнению белого Главнокомандующего, следило за невмешательством добровольцев во внутренние дела крымского полуострова. С подачи премьера правительства в крымской печати развернулась целая кампания по дискредитации Добровольческой армии как «реакционной», «монархической» и не проявляющей уважения к местной автономии. Нужно сказать, что подобная точка зрения на политический облик Добровольческой армии господствовала и в среде офицеров союзного контингента войск. Понятное дело, что при этом от участия добровольцев в обороне полуострова крымское правительство и не думало отказываться. К слову, и в эмиграции, и в период работы кабинета Соломона Крыма, и сам премьер, и остальные члены правительства и устно, и письменно всячески подчеркивали свою лояльность и персонально к Деникину, и к идее восстановления Единой и Неделимой России, отрицая, в свою очередь, не только обвинения в каком-то «крымском сепаратизме», но и даже наличия у них таковых мыслей.

Таким образом, к весне 1919 года в Крыму было три силы: союзники (мощная французская эскадра под командованием адмирала Амета, сухопутные войска полковника Труссона и несколько тысяч греков); Крымско-Азовская армия под командованием генерала А.А. Боровского и слабейшее – не обладавшее реальными возможностями для поддержания своей власти, – правительство С.С. Крыма. Равнодействующей между этими тремя силами не прочерчивалось. В гражданской войне военные структуры не только доминируют над гражданскими, но и не желают вникать в интересы последних. Было очевидно, что если добровольцы и союзники откажутся от участия в защите полуострова от большевиков, то правительства Соломона Крыма падет – своей вооруженной силы у него не было.¹³

¹³ Подробнее см.: *Набоков В.Д.* Крым в 1918/19 гг. ... С. 234-241.

Тем временем пребывание союзников в Севастополе вызывало у городских низов огромное недовольство. Даже Деникин вынужден был признать в своих воспоминаниях, хотя и не без доли сарказма, что ««рабочий народ» требовал советской власти...». Он же писал: «Севастополь – наша база – представлял собой котел, ежеминутно готовый взорваться».

Действительно, присутствие интервентов в Севастополе привело не к успокоению города, а как раз наоборот к его революционизированию. Город забурлил, в нем непрерывно шли митинги, а тем временем большевики, не встречая фактически никакого сопротивления, вели хорошо организованное и спланированное наступление. В конце марта 1919 началась эвакуация Симферополя, а 5 апреля союзники заключили с большевиками перемирие, не нарушавшееся до 15 апреля, когда закончилась эвакуация с полуострова французских и греческих войск.

В самом Севастополе среди рабочего люда царило ликование: по городу ходили демонстрации с красными флагами, в которых принимали участие и матросы французской эскадры. Несколькими неделями ранее, точно также – без боя! – ушла из Одессы французская эскадра, «покрасневшая» за несколько месяцев пребывания в революционной России. Солдаты и матросы «ограниченного контингента» французских войск, прибывшего с Западного фронта, где только-только закончилась мировая война, в Россию – не хотели воевать против большевиков. Ленин и его лозунги пользовались в ту пору огромной популярностью в рабочих массах Европы, а кампания «руки прочь от Советской России!» давала потрясающие результаты. Кроме того, союзникам не удалось проникнуть в сложнейшие хитросплетения тогдашней русской политики: они никак не могли понять, почему они должны оказывать помощь Добровольческой армии, считавшей себя правопреемницей старой России – ведь Россия-то заключила сепаратный мир с Германией!

Франция, страна с богатейшими революционными традициями, воспринимала армию Деникина как армию реставрации, а деникинцев сравнивала с Бурбонами XIX века, которые, как говорили в ту пору, «ничего не забыли, и ничему не научились...». В апреле 1919-го союзники ушли из Крыма, который накрыла вторая волна большевизма: к 1 мая весь полуостров был занят советскими войсками. Возникла Крымская Советская социалистическая республика. Было создано и правительство, в составе которого выделялись две любопытные фигуры. Временно председательствующим (постоянного так и не появилось), наркомом здравоохранения и соцобеспечения крымского правительства стал Дмитрий Ильич Ульянов – младший брат Ленина, а должность наркомвоенмора в течение месяца исполнял знаменитый Павел Ефимович Дыбенко – личность в своем роде уникальная. КССР считалась автономной республикой в составе РСФСР.

Успехи большевиков в Крыму продолжались недолго. Наступило лето 1919 года – пик успехов войск Деникина, к концу июня очистивших от большевиков полуостров. К октябрю войска генерала Деникина контролировали огромные территории, население которых составляло десятки миллионов человек. Выполняя так называемую «московскую директиву» Деникина, белогвардейцы дошли до Орла... Казалось, вот-вот и большевистский режим будет сокрушен. Но счастье отвернулось от деникинцев, и начался их стремительный откат обратно на Юг. Армии Юга России, в массе своей состоявшие уже не из прежних идейных добровольцев, а из казаков и пленных красноармейцев, поставленных в строй под знамя «Единой и Неделимой России», под влиянием поражений утратили свой боевой дух и стремительно разлагались. В марте 1920, после кошмарной Новороссийской эвакуации, в результате которой армия лишилась своей материальной части, деникинцы оказались в Крыму. Крым стал последним плацдармом Белого Юга. Дальше отступать было некуда.

1920 год вывел на авансцену российской политики полуостров Крым – именно благодатному южному краю предстояло пережить и беспримерную врангелевскую эпопею, и трагедию русского Исхода в ноябре 1920 года, и, наконец, увидеть восход кошмарного «Солнца мертвых» – репрессии против оставшихся в Крыму белогвардейцев и прочих «буржуазных элементов». Именно исход Врангеля из Крыма считается завершением Гражданской войны в европейской части России. Крым вынужденно стал землей обетованной и символом спасения от большевистской расправы.

В свою очередь, символом белого Крыма в начале 1920 года был, конечно же, генерал Яков Александрович Слащов. Известно, что диапазон оценок Слащова отличался противоположностью – от прямо восторженного до откровенно уничижительного по отношению к генералу, вдобавок нередко Яков Александрович изображался и в нарочито комических тонах. Приведем лишь несколько характеристик Слащова, авторами которых были его, казалось бы, единомышленники - участники Белого движения на Юге России: «всегда полупьяный кретин в костюме под клоуна либо кавказского горца», - в описании обычно сдержанного генерала П. С. Махрова;¹⁴ «Как и подобает великому человеку он встретил нас хотя и с объятиями, но в одном белье <...> хриплый, пьяный смех, торчащие редкие волосы и гнилые зубы – вот что прежде всего бросилось в глаза», – таким запомнился Яков Александрович генералу А. Е. Егорову в апреле 1920 г.¹⁵ «Длинная, белая, смертельно-белая маска с ярко-вишневым припухшим ртом, серо-зеленые мутные глаза, зеленовато-черные гнилые зубы. Он был напудрен. Пот стекал по его лбу мутными

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 97. Записка генерала П. С. Махрова. «Военный совет в Севастополе». 1926. Л. 24.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 330. *Егоров А.Е.* О службе в Добровольческой армии Деникина. Л 173.

молочными струйками», – свидетельствовал знаменитый русский артист и шансонье А.Н. Вертинский.¹⁶

Слащов – личность чрезвычайно противоречивая и не сводимая к какому-то единому знаку – положительному или отрицательному. Как следствие, аттестовать Слащова как всего-навсего «авантюриста эпохи Гражданской войны», – подход заведомо неверный и крайне поверхностный.

Во многом этот взгляд на личность Слащова был порожден двумя столь непохожими друг на друга мемуаристами, как Деникиным и Врангелем, вражда между которыми в период развала белого фронта справедливо была названа Антоном Ивановичем «русским позорищем».¹⁷

«Вероятно, по натуре своей он был лучше, чем его сделали безвременье, успех и грубая лесть крымских животолюбцев. Это был еще совсем молодой генерал, человек поэты, неглубокий, с большим честолюбием и густым налетом авантюризма. Но вместе с тем он обладал несомненными военными способностями, порывом, инициативой и решимостью. И корпус повиновался ему и дрался хорошо», – такую оценку Слащова оставил в истории Деникин.¹⁸ В свою очередь, Врангель, явно и открыто недолюбливавший Слащова, писал о том, что в 1920 г. последний «производил впечатление почти потерявшего душевное равновесие человека», признавая, впрочем, что «с горстью людей, среди общего развала, он отстоял Крым».¹⁹ Очевидно, что существует явное противоречие между Слащовым – человеком, чрезвычайно эксцентричным, с явной склонностью к эпатажу, и Слащовым – военным профессионалом высочайшего класса, противоречие – еще нуждающееся во вдумчивом анализе. Безусловно, что Слащов был, вспоминая классика, «разный – натруженный и праздный, целе- и нецелесообразный... весь несовместимый, неудобный, застенчивый и наглый, злой и добрый».²⁰ И все это – один человек, во многом ставший еще при жизни легендой Белого движения.

Была ли закономерность в военных успехах Слащова? Видимо, да. По справедливому замечанию биографа генерала, московского историка А. С. Кручинина, «анализ проведенных им [Я.А. Слащовым. – *Авт.*] боевых операций (почти всегда – малыми силами против

¹⁶ Вертинский А.Н. Дорогой длиною... М., 1991. С. 117.

¹⁷ Деникин А.И. Мой ответ (о воспоминаниях ген. П. Н. Врангеля) // Иллюстрированная Россия. Париж. 1930. 24 мая. С. 4.

¹⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 2003. Т. V. С. 773.

¹⁹ Врангель П.Н. Воспоминания: в 2 частях. 1916-1920. М., 2006. С. 359, 394.

²⁰ Евтушенко Е.А. Пролог // Весь Евтушенко. М., 2010. С. 60.

превосходящих сил противника) свидетельствует о его таланте военачальника – тактика и оператора, обладающего не только выдающимися дарованиями и военным чутьем, но и незаурядной волей, проявляющейся при принятии и претворении в жизнь своих решений».²¹ Не случайным выглядит и беспримерная эпопея обороны Крыма силами корпуса Слащова в конце 1919 - начале 1920 г. В воспоминаниях таких разных лиц, как рядовых участников Белого движения С. Н. Шидловского, В. Дружинина и адмирала Д.В. Ненюкова содержатся лестные характеристики Слащова как военачальника. «Энергия и характер» – таким видится Слащов как военный руководитель Шидловскому;²² Слащов – «герой Крыма. Его все боялись и уважали. Только благодаря его самообладанию Крым был спасен от красных» – оценка В. Дружинина;²³ «Генерал Слащов отступил на Крым... Все вздохнули свободно. Действительно, сразу тыл подтянулся, прекратились грабежи и пьянство, но ненадолго», – писал в своих воспоминаниях пожелавший остаться анонимным ротмистр Крымского конного полка.²⁴ «Несомненно, что он имел ту военную жилку, без которой ни один генерал не может сделаться художником своего дела... он был храбр до отчаянности», – таким запомнился Слащов адмиралу Д.В. Ненюкову.²⁵ Уже задним числом можно, наверное, не умаляя достижений Слащова, согласиться с осведомленным генералом В. В. Чернавиным, по утверждению которого, в начале 1920 г. «удалось прикрыть, а затем и удержать перешейки лишь благодаря ошибке красного командования. Если бы оно не разделило своих сил, поведя одновременно из района Нижнего Днепра наступление и в Одесском, и в Крымском направлении, а сосредоточило бы все свои усилия на Крыме, оставив временно Одессу в покое, то слабые части Слащова перешейков бы не удержали...».²⁶ Как бы то ни было, Крым стал последним бастионом Белой России, а Слащов по праву приобрел к своей фамилии почетную приставку «Крымский» - последним из военачальников в истории Русской армии.

²¹ Кручинин А.С. Генерал Я. А. Слащов-Крымский и самосознание добровольческого офицерства // Белое движение на Юге России (1917 - 1920): Неизвестные страницы и новые оценки. М., 1995. С. 43.

²² Шидловский С.Н. Записки белого офицера. СПб., 2007. С. 69.

²³ «Гроза тыла и любимец фронта»: генерал Я.А. Слащов в 1920 - 1921 гг. / Вводная статья, подготовка текста к публикации и комментарии Л.И. Петрушевой // Новый исторический вестник: Избранное, 2000-2004. М., 2004. С. 249.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 263. Воспоминания бывшего ротмистра Крымского конного полка. «Орловщина». Л. 5

²⁵ Ненюков Д.В. От Мировой до Гражданской войны: Воспоминания. 1914 - 1920 / Вступ. ст. и примеч. А.В. Посадского. М., 2014. С. 428-429.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 391. Заметки В. В. Чернавина об эвакуации Одессы в 1920 г. Л. 22.

Однако, помимо военной доблести, Слащов 1920 года – это еще и знаменитые «суворовские приказы»; это и печальная практика виселиц для устрашения неподвластного населения... Безусловно, что это было связано с тем, что генерал был всецело поглощен одной идеей: Крым нужно во чтобы то ни стало защитить от большевиков. Во многом благодаря энергии и куражу Слащова, к весне 1920 года Крым продолжал удерживаться белыми. Без военных успехов Слащова история никогда бы не узнала про феномен врангелевского Крыма – олицетворения белой России.

Традиционно принято считать, что Слащов – прототип булгаковского Хлудова. Не абсолютизируя различия между реальной исторической фигурой и булгаковским героем, укажем, что некоторые общие штрихи в мировоззрении Хлудова и Слащова, несомненно, присутствуют. Чудовищная боль, буквально раскалывавшая сознание белогвардейцев, видевших крах не только Белого дела, но и исторической России, передана Булгаковым с неповторимой силой. Именно этим интересен Хлудов, ставший больше чем литературным персонажем – он стал для советского читателя олицетворением *другой*, пускай не официальной, но *правды* о Гражданской войне, пускай и *правды, показанной глазами врага, врага, заблуждавшегося, но любившего Россию, больше, чем саму жизнь.*

22 марта (5 апреля) 1920 года генерал Деникин передал свои полномочия барону Врангелю и навсегда оставил Россию.²⁷ Как военный человек, Петр Николаевич Врангель рассматривал вверенную ему территорию как осажденную крепость, для наведения порядка в которой нужна абсолютная власть. Он совместил в своем лице посты Главнокомандующего и Правителя Юга России. Армия была переименована в Русскую. Новый диктатор обладал всей полнотой власти.

Прежде всего, Врангель был исключительно одаренный военный. Ему в короткий срок удалось восстановить в армии дисциплину, боевой дух и веру в вождей. Войско, разложившиеся во время отступления от Орла к Новороссийску, снова стала армией в полном смысле этого слова. Также полностью прекратились грабежи и, как следствие, жалобы населения на добровольцев. Популярность барона была необычайно велика. Хорошо знавший Врангеля известный общественный деятель и публицист Василий Шульгин писал: *«Врангель был рожден для власти... Варяг-Врангель был на голову выше всего окружающего. Это - в буквальном и переносном смысле слова...».* Известно несколько высказываний Врангеля в отношении того, каким он хотел видеть свое государство - Крым.

---

²⁷ Подробнее об обстоятельствах, предшествовавших смене Главнокомандующих Вооруженными Силами Юга России, см. статью: *Пученков А.С. «Генеральский совдеп» в Севастополе, или смена Главнокомандующих Вооруженными Силами Юга России в марте 1920 г. // Клио. 2010. №4. С. 86-90.*

Политический сотрудник барона, Г. В. Немирович-Данченко, сообщал о том, что «Крым Врангель предполагает превратить в маленькое самостоятельное образцовое государство: с разрешением в пользу обрабатывающих земельного вопроса, с истинными гражданскими свободами, с демократическими учреждениями, с университетами и прочими культурными учреждениями. Пусть там, за красной стеной, слышат о «Земном рае», действительном не в Совдепии, а в белом Крыму. Пусть видят и идут к нам; всем идущим – наша поддержка и братский привет. Образцовое государство на носу у большевиков – лучший способ пропаганды к восстаниям. И притом к восстаниям не бесплодным: где-то на Юге есть база – Крым с признанным иностранцами правительством [летом 1920 г. Франция де-факто признала правительство генерала Врангеля. – Авт.], с армией, с танками и боевыми припасами».²⁸

Весной 1920 года под контролем Врангеля находился только Крымский полуостров, а под контролем большевиков вся Россия. Мог ли в этой ситуации белый Главнокомандующий надеяться, что ситуация в стране изменится в пользу белогвардейцев? В беседе с политиком и журналистом Василием Шульгиным Врангель довольно подробно рассказал о своей политической программе: «Я не задаюсь широкими планами... Я считаю, что мне необходимо выиграть время... Я отлично понимаю, что без помощи русского населения нельзя ничего сделать... Политику завоевания России надо оставить... Нельзя воевать со всем светом... Надо на кого-то опереться... Не в смысле демагогии какой-нибудь, а для того, чтобы иметь, прежде всего, запас человеческой силы, из которой можно черпать; если я разброшусь, у меня не хватит... того, что у меня сейчас есть, не может хватить на удержание большой территории... Для того, чтобы ее удержать, надо брать тут же на месте людей и хлеб... Но для того, чтобы возможно было это, требуется известная психологическая подготовка. Эта психологическая подготовка, как она может быть сделана? Не пропагандой же, в самом деле... Никто теперь словам не верит. Я чего добиваюсь? Я добиваюсь, чтобы в Крыму, чтобы хоть на этом клочке, сделать жизнь возможной... Ну, словом, чтобы, так сказать, показать остальной России... вот у вас там коммунизм, то есть голод и чрезвычайка, а здесь: идет земельная реформа, вводится волостное земство, заводится порядок и возможная свобода... Никто тебя не душит, никто тебя не мучает - живи, как жилось... Ну, словом, опытное поле... И так мне надо выиграть время... чтобы, так сказать, слава пошла: что вот в Крыму можно жить. Тогда можно будет двигаться вперед...».²⁹ Могли ли существовать в конкретных исторических условиях того времени две России – красная и белая? Конечно,

²⁸ Государственный архив Российской Федерации. (ГАРФ). Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 418. Патек В. «Планы правителя Крыма». Л. 6.

²⁹ Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 462-463.

нет! В советской прессе уже весной 1920 года можно встретить выражение «крымская заноза». И понятно, что «занозу» надо немедленно удалить. Но операция по разгрому белых в Крыму началась только осенью. Летом же бросить все силы на борьбу против «черного барона» большевикам не позволила советско-польская война. Окружение Врангеля надеялось, что «большевистско-польская кадрили» будет тянуться долго. Петр Николаевич открыто поддержал поляков в войне с Советской Россией, заявив, что Пилсудский воюет не с «русским народом, а с советским режимом». Подписание осенью 1920 года Польшей и РСФСР перемирия вызвало настоящий шок у Врангеля. В своих «Записках» Врангель раздраженно прокомментировал это следующим образом: «Поляки в своем двуличии остались себе верны».³⁰ Понимая, что наступили трудные времена, Врангель в конце октября отдал секретный приказ о начале подготовки эвакуации. Надо признать, что эвакуация была проведена образцово. Паника и хаос, царившие в Новороссийске в последние дни власти Деникина, отсутствовали начисто. Только после того как все военнослужащие были погружены на корабли, и в Севастополе не осталось больше ни одной военной части, в 14 часов 50 минут 2 ноября 1920 г. генерал Врангель прибыл на крейсер «Генерал Корнилов» в сопровождении чинов штаба и отдал приказание сниматься с якоря. Всего из Крыма эвакуировалось 145 693 человека, из которых около 70 тысяч составляли чины армии. Белая борьба на Юге России потерпела окончательное поражение.

Генерал С. Д. Позднышев, переживший с армией эту эвакуацию, вспоминал: *“Молча стекались к набережным серые толпы притихших людей. Их окружала глухая зловещая тишина. Точно среди кладбища двигался этот людской молчаливый поток; точно уже веяло над этим нарядными, красивыми, оживленными некогда, городами, дыхание смерти. Надо было испить последнюю чашу горечи на родной земле. Бросить все: родных и близких, родительский дом, родные гнезда, все, что было дорого и мило сердцу, все, что украшало жизнь и давало смысл существования; все, что надо было бросить, похоронить, подняв крест на плечи и с опустошенной душой уйти в чужой, холодный мир навстречу неизвестности.*

Медленной поступью, мертвым стопудовым шагом, прирастая к земле, шли тысячи людей по набережным и окаменелые, немые, поднимались по трапу на корабли. Душили спазмы в горле; непрошенные слезы катились по женским щекам и надрывалось у всех сердце жгучим надгробным рыданием. А как были туманны и печальны глаза в последний раз смотревшие на родную землю! Все кончено: мечутся набатные слова: «Ты ли, Русь бессмертная, мертва? Нам ли сгинуть в чужеземном море? Прощай, мой дом родной! Прощай, Родина! Прощай, Россия!»³¹ Идеальный противник белых, Владимир Маяковский, в

³⁰ Врангель П.Н. Воспоминания: в 2 частях. 1916-1920. М., 2006. С. 630.

³¹ Позднышев С.Д. Этапы. Париж, 1939. С. 9.

поэме «Хорошо» оставил яркую зарисовку прощания Врангеля с Отечеством, в которой, видимо, невольно, прослеживается уважение к людям, оставившим Родину, но до последнего сражавшихся за ИХ Россию:

*«...И над белым тленом
как от пули падающий,
на оба
колена
упал главнокомандующий.*

*Трижды землю поцеловавши,
трижды
город
перекрестил.
Под пули
в лодку прыгнул...
– Ваше превосходительство,
грести? – Грести...»*

На Графской пристани Севастополя есть неприметная мемориальная табличка, на которой выбиты следующие слова: «В память о соотечественниках, вынужденных покинуть Россию в ноябре 1920 года». В одном единственном слове – соотечественники – заключается вся трагедия Гражданской войны, войны, в которой нет победителей, а есть лишь побежденные.

Теперь Крыму предстояло еще пережить большевистскую зачистку положившихся на слово Михаила Фрунзе и оставшихся в России врангелевцев и прочего «буржуазного элемента». Крыму предстояло «познакомиться» с «революционной законностью» от Белы Куна, Розалии Землячки и иже присных. Потерявший в этой вакханалии своего сына Сергея, расстрелянного в Феодосии, писатель Иван Шмелев в пронзительной книге «Солнце мертвых», назвал Землячку сотоварищи очень точно и просто: «люди, что убивать хотят».

Знаменитый на весь Советский Союз полярник Иван Папанин получил по протекции Землячки высокий пост – коменданта Крымской ЧК. В своих воспоминаниях с двусмысленным названием «Лед и пламень» Иван Дмитриевич совершенно очаровательно написал об этом кровавом эпизоде своей биографии: «Служба комендантом Крымской ЧК оставила след в моей душе на долгие годы. Дело не в том, что сутками приходилось быть на ногах, вести ночные допросы. Давила тяжесть не столько физическая, сколько моральная.

Важно было сохранить оптимизм, не ожесточиться, не начать смотреть на мир сквозь черные очки. Работники ЧК были санитарями революции, насмотрелись всего. К нам часто попадали звери, по недоразумению называвшиеся людьми...». Работа комендантом Крымской ЧК, как писал Папанин, привела к «полному истощению нервной системы».³² До конца своих дней Папанин, по словам знавших его людей, гордился своим участием в расстрелах «контры». Да и в воспоминаниях других старых большевиков нередко можно встретить будничное упоминание: «Мы дали залп из винтовок по тем, кто этого заслужил». Ужас Гражданской войны именно и проявляется в том, что и белые, и красные с готовностью признавали правила игры, основанные на насилии и братоубийстве. Тысячи расстрелянных чекистами в дни кошмарного «Солнца мертвых», - страшный эпизод, полностью укладывающийся в общую картину трагедии того, что противник большевиков, генерал Деникин, назвал по-военному четко и ясно: «РУССКОЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ».

Розалия Самойловна Залкинд (Землячка) (1876-1947) – фигура в высшей степени интересная. Аттестовать ее просто как «палача» или фанатика революции – упрощение. Удивительно и то, что Землячку - одну из очень немногих из рядов так называемой «ленинской гвардии» – не просто не затронули репрессии 1930-х годов; Сталин не просто ее не тронул, но Розалия Самойловна вплоть до своей смерти занимала высокие посты, будучи в 1939-1943 гг. заместителем председателя Совнаркома, т.е. сначала Молотова, а затем – самого Сталина. Между тем, несмотря на ее принадлежность к высшей партийной элите, найти упоминания о ней в воспоминаниях о сталинской эпохе – непросто. Была ли Землячка любимицей Сталина, пользовалась ли она еще чей-либо поддержкой – ответить трудно. Почему Землячка не была «ликвидирована», несмотря на свою принадлежность к «военной оппозиции» 1919 года; несмотря на то, что еще один «герой» крымских расстрелов, Бела Кун, был не просто репрессирован в 1938 году, но и перед этим был подвергнут бесчеловечным пыткам – одна из многочисленных загадок сталинской эпохи. Быть может, Сталина устраивало то, что Землячка еще в годы Гражданской войны имела репутацию человека, крайне неуживчивого, заряженного на конфликт даже со своими партийными товарищами. Можно при этом понять, какова была степень ее непримиримости в отношении «классовых врагов».

Чем объяснялся фанатичный революционный задор Розалии Самойловны, выросшей во вполне благополучной и состоятельной еврейской семье – сказать трудно. Было ли это действительно, как говорила сама Землячка, (прочитать об этом можно в «житийной» повести о революционерке «Январские ночи», написанной известным писателем Львом

---

³² Папанин И.Д. Лед и пламень. М., 1978. С. 61, 68.

Оваловым) связано с ее органическим неприятием мира «буржуев» и «мироедов», олицетворением которых она безусловно считала как бывших военнослужащих Русской армии Врангеля, так и представителей других прежних привилегированных сословий, или же этому были какие-то объяснения? Достаточно ярко подобная трактовка образа Землячки показана в замечательной актерской работе Мириам Сехон, сыгравшей пламенную революционерку в недавно вышедшем на экраны фильме Никиты Михалкова «Солнечный удар». Естественно, что в белогвардейской и монархической среде, объясняя жестокость Землячки и Бела Куна, поговаривали о национальном мотиве: дескать, Розалия Самойловна Землячка с детства ненавидела царскую власть за черту оседлости и погромы; этим, возможно, могла и объясняться ретивость, проявленная Землячкой в расстрельной кампании против «осколков царизма» – офицеров и «буржуазных недобитков»; лидер недолговечной Венгерской Советской республики 1919 года Бела Кун не просто был непримиримым революционером, но и по национальным мотивам не мог иметь симпатий к царской России, памятуя хотя бы о подавлении войсками фельдмаршала Паскевича венгерского восстания 1848-1849 гг. Превалировали ли в действиях Землячки и Бела Куна национальные обиды или же они руководствовались принципами своеобразно понимаемой ими классовой целесообразности и необходимости; кто из них был главным идеологом и инициатором масштабного террора – ответить непросто. Думается, что в Землячке и Бела Куне могло сработать и стремление показательно – в назидание другим «контрикам» – расправиться с недавними врагами, градус насилия был еще слишком высок во многих и многих большевиках, чувства от недавней схватки еще не остыли.

Говорят, что в 1930-е гг. Землячка предпринимала какие-то усилия для того, чтобы спасти от «ежовых рукавиц» ОГПУ-НКВД своих бывших сослуживцев; да и вообще пользовалась репутацией исключительно идейного человека и партийца. Тот же Папанин в своих воспоминаниях писал о ней как о «на редкость чуткой, отзывчивой женщине», с благодарностью упоминая о том, что был «для Розалии Самойловны вроде крестника».³³ Как бы то ни было, возможно, что в дни крымских расстрелов имел место и «эксцесс исполнителя»: обладавшие личными мотивами и люто ненавидевшие «золотопогонников» Землячка и Бела Кун были вскоре отозваны в Москву. Сложно назвать реальную численность расстрелянных в период «установления советской власти в Крыму» врангелевцев и прочих «буржуев»: большинство из называемых цифр (кое-где можно прочесть даже про 120 тысяч расстрелянных) – совершенно неправдоподобны. Очевидно, однако, другое: необходима не только серьезно поставленная на государственном уровне задача составления мартиролога жертв красного террора в Крыму, но и – в перспективе –

³³ Папанин И.Д. Лед и пламень. М., 1978. С. 65.

установление памятника в память об убиенных – не в рамках обличения «кровавого большевизма», а в целях доказательства того, что Россия делает твердые шаги к достижению согласия в обществе, и отныне не делит своих соотечественников на правых и виноватых.

Об авторе:

Лученков Александр Сергеевич – доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.